

Keywords: detective, children's detective, teen detective, bestial detective, A. Starobinets

About the authors:

D. B. Nefedov – UrFU, Yekaterinburg (Russia)

Scientific supervisor: E. E. Prikazchikova – UrFU, Yekaterinburg (Russia)

УДК 821.161.1-1.09

Ю. А. Прохорова

СПбГУ, Санкт-Петербург (Россия)

Научный руководитель: О. А. Первалова,

кандидат филологических наук, доцент,

СПбГУ, Санкт-Петербург (Россия)

**МИФОПОЭТИЧЕСКОЕ ГОРОДСКОЕ ПРОСТРАНСТВО И ФУНКЦИИ
ОБРАЗА ФОНАРЯ В НЕМ В ТВОРЧЕСТВЕ Б. Б. РЫЖЕГО**

Статья посвящена анализу одного из самых часто встречающихся, но пока плохо изученных образов-символов в творчестве Б. Б. Рыжего – образу фонаря. Предпринята попытка рассмотреть, какую роль в поэзии Б. Б. Рыжего играет фонарь как символ городского пространства, каким образом через этот образ-символ поэт вступает в диалог с культурой и создает собственный городской миф. Анализ некоторых стихотворений Б. Б. Рыжего позволяет обозначить влияние образа фонаря на особенности хронотопа и выявить интертекстуальные связи. В результате анализа стихотворений утверждается, что, опираясь на прецедентные тексты, Борис Рыжий в своем творчестве вступает в диалог с другими поэтами и культурой в целом, встраивая образ-символ фонаря в собственное мифопоэтическое пространство города.

Ключевые слова: фонарь, Б. Б. Рыжий, хронотоп, интертекст, городское пространство, образ-символ

С начала XX века фонари стали одним из самых распространённых атрибутов городских улиц, что отразилось в искусстве. М. В. Силаева пишет: «В произведениях искусства фонарь являлся проводником философской мысли. <...> В. Н. Топоров определяет место фонаря в пространстве культуры с положительной семантикой наряду с площадью, садами, дворцами и шпилем. Несмотря на то, что фонарь не выступает явлением природы, а также в нём не заложена духовная составляющая, он представляет собой путь человека к Богу, его связь с Ним» [Силаева 2023: 40]. Неудивительно, что при создании городского пространства в стихотворениях поэт конца XX века Б. Б. Рыжий особое внимание уделяет образу фонаря. Согласно НКРЯ [<https://ruscorpora.ru/>] словоформа «фонарь» встречается у поэта в 29 стихотворениях 37 раз, что подтверждает особое значение этого образа для поэтического мира Б. Б. Рыжего, однако при анализе стихотворений, включающих искомую словоформу, становится очевидным, что функции образа-символа фонаря в творчестве поэта отличаются от обозначенных В. Н. Топоровым.

В стихотворении «Стоял обычный зимний день...» (1992) первым появляющимся образом урбанистического пространства является фонарь, который становится неотъемлемым героем города: «... стоял фонарь, лежала тень // от фонаря» [Рыжий 2012: 27]. Далее вставная конструкция позволяет перейти от конкретного городского пространства к вневременному – ирреальному, топосу мировой литературы: «В то время Данте // спускался в ад, с Эдгаром По // калякал Ворон, Маяковский // взлетал на небо...» [Рыжий 2012: 27]. Так, образ фонаря помогает выстроить вертикаль пространства – своего рода парадигму, в которой могут сосуществовать писатели разных эпох. Фонарь становится проводником между двумя мирами: реальным и ирреальным.

Борис Рыжий отлично знал творчество поэтов-предшественников, а одним из самых значимых для него поэтов Великой Отечественной войны был Борис

Слуцкий [Сухарев 2011]. Неслучайно, в стихотворениях Бориса Рыжего «Стоял обычный зимний день...» и Бориса Слуцкого «Обгон» (1976) звучат схожие мотивы. Образ поэзии в стихотворении Б. Слуцкого: «Поэзия не только езда в незнаемое, // но также снег, // засыпающий бег» [Слуцкий 1991: 38], – и упоминание писателей в стихотворении Б. Рыжего, образ снега, олицетворяющий в обоих стихотворениях творчество, позволяют говорить об общих мотивах смены поколений и их связи друг с другом, быстротечности времени и памяти: «Снег засыпает белыми тоннами // всех – победителей с побеждёнными...» [Слуцкий 1991: 38], «Я грыз окаменевший снег, // сто лет назад в сугроб упавший» [Рыжий 2012: 27]. Ощущение иллюзорности мира возникает не только за счет интертекстуальных связей, но и благодаря переплетению предметов реального городского пространства с элементами сна:

...сутулый силуэт Свердловска
 лежал и, будто бы в подушку,
 сон продолжая сладкой ленью,
 лежал подъезд, в сугроб уткнувшись
 бугристой лысиной ступеней... [Рыжий 2012: 27]

Т. А. Арсенова пишет, что стихотворение «Стоял обычный зимний день» – «это попытка увидеть себя и свой город в масштабной картине окончания века (в одновременном соположении его с пространством мировой литературы), где находится место всем: и таким “вневременным” фигурам, как Данте, Эдгар По и Маяковский, и самому лирическому герою Рыжего, и очеловеченному взглядом поэта обыкновенному свердловскому подъезду» [Арсенова 2023: 42]. В мифопоэтическом городе Б. Рыжего творчество имеет важное значение, а фонарь становится проводником между мирами, между поэтом и предшественниками.

Важны и аллюзии на творчество А. А. Блока. Помимо того, что образ ночного фонаря сразу встраивается в один ассоциативный ряд с известным восьмистишием «Ночь, улица, фонарь, аптека...» (1912), Б. Рыжий в одном из своих стихотворений прибегает к прямому цитированию: «Аптека, фонарь, незнакомка – // не вытравить этот пейзаж...» («На фоне граненых стаканов...»),

1999 [Рыжий 2012: 454]). Общие мотивы ночи и света, смерти и воскрешения объединяют стихотворения поэтов, создают общее поэтическое пространство: «По ночам // умирая, под утро воскреснув»; «ты воскрес // ненадолго» («Смерть хороша по чуть-чуть...» (1993) [Рыжий 2012: 38]), – «Умрёшь – начнёшь опять сначала// И повторится всё, как встарь...» («Ночь, улица, фонарь, аптека...», 1912 [Блок 2022: 237]). Блоковская идея обреченности и цикличности мира схожа с концепцией «барахлящего городка» Б. Рыжего, которая далее будет рассмотрена подробнее.

В стихотворениях Б. Рыжего город предстает очеловеченным, а ближе к двухтысячным годам оживленный город начинает «заболевать». С этой точки зрения как раз интересно рассмотреть концепцию «барахлящего городка», ярко представленную в стихотворении «Городок, что я выдумал и заселил человеками» (2000–2001). В момент разрушения «городка» фонари, как одни из самых важных атрибутов города, перестают функционировать: «Фонари не горят, как ни кроет их матом электрик-браток» [Рыжий 2012: 513]. Также в стихотворении вновь появляется образ-символ Музы, отсылающий к творческому началу: «На глазах, перед зеркалом стоя, дурнеет красавица» [Рыжий 2012: 513]. Очеловеченный образ Музы встречается и в других стихотворениях автора, например, в стихотворении «Свернул трамвай на улицу Титова»: «Что, Муза, тушь растерла по щекам?» [Рыжий 2018: 377]. Муза в стихотворениях Б. Рыжего словно сочувствует «барахлящему городку», начинает «барахлить» вместе с ним. Помимо фонарей и их света из «барахлящего городка» пропадает и музыка, которая тоже является важной составляющей мифопоэтического пространства: «Вырубается музыка, как музыкант ни старается» [Рыжий 2012: 513]. Обратное – созидающее – значение музыки, например, встречается в стихотворении «Трубач и осень» (1994): «Я сказал: посмотри, как он низко берет, // и из музыки город встает» [Рыжий 2012: 65]. В «барахлящем городке» музыка не звучит, усиливается чувство искусственности, иллюзорности, а у лирического героя возникает ощущение не своей жизни: «Открываешь глаза и вдруг видишь – чужое // всё: и небо, и звезды, и червь в

перегнутое, // не несущий тепло» («Суждения», 1993 [Рыжий 2012: 44]). Появление чужого мира разрушает лирического героя Б. Рыжего, лишает его души, жизни: «...а что называется мной, // то идет по осенней аллее...» («Городок, что я выдумал...» (2000–2001) [Рыжий 2012: 513]). Мир наделяется внешне схожей с реальностью картинкой, но предметы городка не выполняют своих первоначальных функций, отсюда и появляется ощущение искусственности. И в этом «барахлящем городке» фонарь олицетворяет душу города, помогает передать его болезненное состояние. Такую функцию фонаря можно встретить в стихотворении «Вечер» (1993): «...дрожали слезы // в железных веках фонарей...» [Рыжий 2012: 35]. Интересно, что иногда фонарь коррелирует по функции освещения с луной, что усиливает ощущение искусственности городка. Например, в стихотворении «Суждения» (1993) луна становится «выдутой», созданной человеком, по описанию больше напоминающей фонарь: «Стеклодувы на небе // выдувают стоваттную лампу луны» [Рыжий 2012: 46]. В другом стихотворении «Фонари» (1993) лирический герой называет фонари «подобьем зари»: «Фонари, фонари над моей головой, // будьте вы хоть подобьем зари» [Рыжий 2012: 52].

Евгения Изварина писала о «барахлящем» городке Б. Рыжего следующее: «...произошел коллапс его мировоззренческой системы, изнутри стал разрушаться искусственно замкнутый мир. <...> Поэтический мир болен и умирает. Подразумевается, что душевные силы и иные средства, затраченные на его создание, не оправдались и обречены вместе с ним» [Изварина 2009]. Только поэзия не подчиняется законам «искусственно замкнутого мира», выступает за его пределы, является всегда знаком истинного и настоящего, функционирующего вне времени и пространства: «Слава Богу, стихи – это нечто иное» («Суждение», 1993 [Рыжий 2012: 44]).

Если в традиционном представлении в искусстве фонарь – путь человека к Богу, связь с ним, то у Б. Рыжего фонарь может выполнять функцию отражения мира города:

И что? – я не вижу конца.

Я предвижу конец. И, дыша
 этой ночью, замешанной на крови,
 говорю: «Фонари, фонари,
 не могу я промолвить, что болен и слаб.

Что могу я поделаться с собой? ... » («Фонари», 1993 [Рыжий 2012: 52]).

В приведенном фрагменте стихотворения лирический герой взывает к фонарям вместо обращения к Богу. Фонарь здесь не просто знак городского пространства, но и сакральный символ: свет, льющийся с вышины, становится объектом молитвы, словно в нем заключена Божественная сущность. Условное обожествление фонаря определяет еще одну функцию этого образа-символа в поэтическом мире Б. Б. Рыжего: фонарь становится свидетелем человеческой жизни или жизни в целом: «Фонарь глядел на нас печально...» («Фонарь над кустами», 1994 [Рыжий 2012: 67]); «Оплакивают лето фонари. // Два фонаря оплакивают лето» («Веди меня аллеями пустыми...», 2000 [Рыжий 2012: 479]).

Ещё одно значение образа фонаря в поэзии Б. Рыжего связано с хронотопом города детства. Т. А. Арсенова пишет: «Центральное место в аксиологической системе поэтического творчества Рыжего занимает период его детства, прошедшего на фоне идеального безвременья 1970–80-х гг.» [Арсенова 2013: 15]. Например, для воспроизведения детского восприятия образы фонарей коррелируют с образами ярких гирлянд:

...все в огнях

фонарей – игрушки из фанеры

на ремнях («Ночь – как ночь, и улица пустынна...», 1997 [Рыжий 2012: 278]).

Сам фонарь сравнивается с ребенком:

Глотают слёзы

вдоль дороги фонари,

словно дети, с жизнью в ссоре («Новогодняя ночь», 1994 [Рыжий 2012: 57]).

Появляется уменьшительно-ласкательный суффикс, с одной стороны, отсылающий к детскому восприятию, а с другой – усиливающий эффект призрачности мира:

...и фонарь горел, не фонарь – фонарик.

Он играл на черном, как смерть, причале –
выдувал луну, как воздушный шарик («Словно уши, плавно качались
полы...»), 1994 [Рыжий 2012: 74]);

На зрачок соскользнувший фонарик луны
с опустевшего черного синего неба («Суждения», 1993 [Рыжий 2012: 38]).

Также фонарь в поэзии Б. Рыжего может быть символом «прекрасного мгновения», как в стихотворении «Трубач и осень» (1994): «И висели всю ночь напролет фонари. // (...) Но настало туманное утро, и вдруг// все бесформенным стало вокруг...» [Рыжий 2012: 65]. Пока горит фонарь, город жив.

Мифопоэтический город Б. Рыжего – это межпространственная, вневременная реальность, где встречаются писатели и литературные герои разных времен, где должна звучать музыка, где живёт красавица Муза, где горят фонари. В этом городе фонарь может выступать в разных ипостасях: свидетель человеческой жизни, символ «прекрасного мгновения», элемент «барахлящего городка», предмет детского сознания, проводник между мирами. Фонарь в творчестве Б. Рыжего – образ-символ, усиливающий трагическое мироощущение лирического героя, ведь, как метафорично выразился Д. Сухарев, поэзия Б. Рыжего – это «взгляд в прошедшее из настоящего, опечаленный будущим» [Сухарев 2011].

Список литературы

1. Арсенова, Т. А. Свердловск / Екатеринбург в поэзии Бориса Рыжего 1992—1993 гг. / Т. А. Арсенова. — Текст : непосредственный // Известия Уральского федерального университета. — Серия 2 «Гуманитарные науки». — 2023. — № 3. — С. 38-58.

2. Арсенова, Т. А. Метаморфозы времени в лирическом сознании Бориса Рыжего / Т. А. Арсенова. — Текст : непосредственный // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. — 2013. — С. 15-18.

3. Блок, А. А. Покой нам только снится... : сборник / Александр Блок. — Москва : АСТ, 2022. — С. 236-237. — Текст : непосредственный.

4. Изварина, Е. В. Там залегла твоя жизнь... История третья. Борис Рыжий: «На краю пустоты» // URL: <https://seredina-mira.narod.ru/izvarina5.html> (дата обращения: 01.01.2024). — Текст : электронный.

5. Национальный корпус русского языка. — URL: <https://ruscorpora.ru/> (дата обращения: 01.01.2024). — Текст : электронный.

6. Рыжий, Б. Б. В кварталах дальних и печальных: Избр. лирика. Роттердамский дневник. — Москва : Искусство — XXI век, 2012. — 576 с. — Текст : непосредственный.

7. Рыжий, Б. Б. Здесь трудно жить, когда ты безоружен. — Москва : Зебра Е, 2018. — 397 с. — Текст : непосредственный.

8. Сухарев, Д. А. Влажным взором // Иерусалимский журнал. — 2011. — № 39. — URL: <https://magazines.gorky.media/ier/2011/39/vlazhnym-vzorom.html> (дата обращения: 01.01.2024). — Текст : электронный.

9. Силаева, М. В. Несколько слов о фонарях: к вопросу о многоаспектности образной системы В. Маяковского / М. В. Силаева — Текст : непосредственный // Вестник Московского государственного областного университета. — Серия «Русская филология». — 2023. — С. 18-25.

10. Слуцкий, Б. А. Собрание сочинений : В 3х т. — Москва : Художественная литература, 1991. — Т. 3. — С. 38. — Текст : непосредственный.

11. Топоров, В. Н. Петербург и петербургский текст русской литературы / В. Н. Топоров. — Текст : непосредственный // Учёные записки Тартуского университета. — Тарту : Тартуский государственный университет. — 1984. — Вып. 664. — С. 4-29.

**MYTHOPOEIC URBAN SPACE AND THE FUNCTIONS OF THE IMAGE
OF A LANTERN IN IT IN THE WORK OF B. B. RYZHIY**

The article is devoted to the analysis of one of the most frequently encountered, but so far poorly studied, image-symbols in the work of B. B. Ryzhiy – the image of a lantern. An attempt has been made to consider what role the lantern plays in the poetry of B. B. Ryzhiy as a symbol of urban space, how through this image-symbol the poet enters into dialogue with culture and creates his own urban myth. An analysis of some of B. B. Ryzhiy's poems allows us to identify the influence of the image of a lantern on the features of the chronotope and identify intertextual connections. As a result of the analysis of the poems, it is argued that, relying on precedent texts, Boris Ryzhy in his work enters into dialogue with other poets and culture as a whole, embedding the image-symbol of a lantern into his own mythopoetic space of the city.

Keywords: lantern, B.B. Ryzhiy, chronotope, intertext, urban space, image, symbol

About the authors:

Yu. A. Prokhorova – SpbU, Saint Petersburg (Russia)

Scientific supervisor: O. A. Perevalova – SpbU, Saint Petersburg (Russia)

УДК 82

Е. Д. Чечнева

УрФУ, Екатеринбург (Россия)

Научный руководитель: С. К. Пестерев,

кандидат филологических наук, доцент,

УрФУ, Екатеринбург (Россия)